

Чэнь Сяоцань в весенней школьной форме была загнана в музыкальный класс теми самыми девушками, похожими на демонов.

— Чэнь Сяоцань, говорят, в музыкальном классе после уроков часто раздаются странные звуки, словно там водится нечистая сила. Помогите нам проверить, правда ли это.

Сказав это, они заперли дверь снаружи.

Чэнь Сяоцань, поняв, что они не шутят, обернулась к уже темнеющему небу и, опустившись на колени, начала плакать и умолять:

— Нет, пожалуйста! Я боюсь, умоляю, отпустите меня, я сделаю всё, что вы скажете! Я просто хочу домой, отпустите меня!

Её мольбы не возымели эффекта. В ответ она слышала только смех девушек, которые убегали.

Услышав, что они действительно ушли, Чэнь Сяоцань разрыдалась.

И тут вдруг за её спиной заиграло пианино.

Чэнь Сяоцань сразу замолчала.

Собравшись снова заплакать, она услышала голос из-за пианино:

— Не плачь.

Чэнь Сяоцань, узнав этот знакомый голос, быстро встала. Она прижала к груди свой рюкзак и, медленно подойдя к пианино, увидела своего одноклассника Цзян Дунгэ.

Цзян Дунгэ, держа крышку пианино, нажал на струны, почувствовав вибрацию, и сказал:

— В музыкальном классе нет привидений. Звуки, которые слышали ученики, — это я.

Чэнь Сяоцань, всё ещё испуганная, спросила:

— Что ты делаешь в музыкальном классе?

— Учитель музыки сказал, что пианино расстроилось, и попросил меня после уроков подкрутить его.

— Ты умеешь настраивать?

Цзян Дунгэ, сидя на краю пианино, вдруг улыбнулся:

— В музыке нет ничего, чего бы я не умел.

Он спрыгнул с пианино, закрыл крышку, сел за клавиши и на английском спросил:

— Красавица, чем могу быть полезен?

Чэнь Сяоцань, конечно, понимала его, но стеснялась говорить на английском перед людьми, поэтому спросила по-китайски:

— Ты будешь играть для меня?

— А почему бы и нет? — Цзян Дунгэ провел пальцами по клавишам, сыграв несколько нот, и спросил. — Что хочешь послушать?

Чэнь Сяоцань крепче прижала рюкзак и, сжав губы, сказала:

— Если Лю Вэнь узнает, что ты играешь для меня, она точно рассердится.

Цзян Дунгэ снова улыбнулся:

— Я играл для неё.

— Ты играл для неё?

— Для всех, кто хотел послушать, — сказал Цзян Дунгэ, закрыл глаза и начал играть.

Он сыграл отрывок из «Прекрасной жизни», которая звучала в начале фильма. Но это была не медленная и мрачная часть, а та, где герой находит надежду и мечты. Эта часть требовала большого мастерства, что подчеркивало талант Цзян Дунгэ в музыке. Сыграв несколько тактов, он вдруг открыл глаза и встал.

Чэнь Сяоцань, которая только начала наслаждаться музыкой, спросила:

— Ты больше не будешь играть?

— Подожди, — Цзян Дунгэ открыл крышку пианино и улыбнулся. — Кажется, я нашел проблемную ноту.

Чэнь Сяоцань села и смотрела, как он настраивает пианино.

Свет в этой сцене был ярким и мягким, делая этих двух молодых людей похожими на влюбленных, тайком встречающихся после уроков.

Через некоторое время, когда совсем стемнело, Цзян Дунгэ всё ещё не закончил настройку, и Чэнь Сяоцань начала беспокоиться. Она спросила:

— Дверь заперта, Цзян Дунгэ, ты знаешь, как нам выйти?

Цзян Дунгэ не ответил на вопрос, а вместо этого сказал:

— Слушай, Чэнь Сяоцань, ты уже привыкла, что тебя обижают?

Чэнь Сяоцань замерла, открыла рот, но ничего не сказала, просто опустила голову.

Цзян Дунгэ продолжил:

— Почему ты молчишь, даже когда с тобой так поступают? Ты понимаешь, что если ты не скажешь, никто не сможет тебе помочь?

Чэнь Сяоцань удивленно посмотрела на него:

— Ты хочешь мне помочь?

Отведя взгляд от пианино, Цзян Дунгэ поднял голову и, глядя на Чэнь Сяоцань, искренне сказал:

— Завтра пятница, уроков нет. После школы не уходи сразу, подожди меня у ворот. Если боишься, что тебя увидят, можешь ехать на велосипеде за мной. Я отведу тебя в одно место.

Чэнь Сяоцань впервые почувствовала, что к ней относятся с уважением и на равных.

Она была в замешательстве.

Но громкий гудок машины разрушил этот момент.

Чэнь Сяоцань, уже студентка, стоящая в музыкальном магазине, опустила голову и с удивлением обнаружила, что плачет.

Но в этом не было ничего стыдного.

Она вытерла слезы и, больше не глядя на инструменты, вышла наружу.

Обманщик.

Всё это было обманом.

В ту ночь Чэнь Сяоцань увидела сон.

Ей снилось, что она снова вернулась в прошлое и шла за юношей в белой рубашке к цветочному полю, которое было и близко, и далеко от школы. Она смотрела, как он, держа букет цветов, говорил ей:

— Чэнь Сяоцань, в мире столько прекрасного, почему ты всегда опускаешь голову?

Почему она всегда опускала голову? Потому что она была слабой, трусливой, неуверенной в себе!

Чэнь Сяоцань плеснула себе в лицо холодной водой, посмотрела в зеркало и собралась с мыслями.

— Я больше не та Чэнь Сяоцань.

За её спиной выглянула соседка по комнате с чемоданом:

— Сяоцань, ты всё еще не едешь домой на каникулы? Тогда я заберу цветы с балкона...

— Забирай, — Чэнь Сяоцань сняла полотенце, вытирая лицо, сказала. — На этот раз я тоже поеду.

Соседка удивилась, а затем радостно улыбнулась:

— Отлично, на каникулы нужно ехать домой.

Чэнь Сяоцань слегка повернула голову, и никто не знал, сколько мужества потребовалось ей для этого решения.

Купив билет на поезд, Чэнь Сяоцань взяла небольшую сумку и отправилась домой. Выйдя на станции, она остановилась у входа и смотрела на уже незнакомый родной город.

Она не пошла домой. С сумкой в руке она шла по главной дороге. Пройдя неизвестно сколько

времени, Чэнь Сяоцань остановилась перед бескрайним цветочным полем.

На поле росли желтые цветы, названия которых она не знала, но они казались ей знакомыми, потому что это было то самое место, куда Цзян Дунгэ привел её в школе.

Чэнь Сяоцань никогда не могла забыть, как Цзян Дунгэ взял её за руку и побежал в это поле.

— Чэнь Сяоцань, подними голову, в мире столько прекрасного, что ты можешь увидеть, если не будешь всё время смотреть вниз.

Чэнь Сяоцань, обняв колени, вспомнила Цзян Дунгэ, и её сердце наполнилось смешанными чувствами.

Посидев ещё немного, она встала, отряхнулась и, глубоко вздохнув, вышла на дорогу, чтобы поймать такси.

Чэнь Сяоцань приехала в психиатрическую больницу.

Получив у медсестры на стойке записку, она нашла палату Цзян Дунгэ на третьем этаже.

В этот момент Сюй Лин держала пальцы Цзян Дунгэ, осторожно кладя их на клавиши пианино, стоящего в углу:

— Дунгэ, сегодня мы учим музыку. Помнишь ту мелодию, которую я тебе показывала?

Цзян Дунгэ, погруженный в свой мир, ничего не сказал, но на пианино он всё же реагировал. К удивлению Сюй Лин, он начал играть сам.

Хотя это были случайные ноты, но реакция — это уже хорошо.

Сюй Лин, увидев надежду, начала играть вместе с ним.

Чэнь Сяоцань, наблюдая за этой сценой, не смогла сдержать улыбку. Они выглядели как два дурака. Она смотрела на Цзян Дунгэ и снова вспоминала прошлое.

В тот вечер Цзян Дунгэ также сидел за пианино, с уверенностью и улыбкой играя для неё.

Возможно, это было лишь видением, но Чэнь Сяоцань вдруг увидела, как Цзян Дунгэ повернулся к ней и улыбнулся.

Спустя столько лет Цзян Дунгэ всё ещё был тем самым Цзян Дунгэ.

<http://bllate.org/book/16554/1510790>